

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Мировоззрение К. А. Тимирязева*

К. А. Тимирязев принадлежит к той плеяде замечательных освободолюбивых ученых—революционных борцов против мракобесия и реакции, борцов за счастье народа, которые были выдвинуты общественным развитием России в XIX в.

Тимирязев был выразителем лучших качеств русской интеллигенции шестидесятых годов, великолепных нравственных традиций революционных демократов и просветителей. Тимирязев—ученый революционер, крупнейший биолог-дарвинист, выдающийся популяризатор науки. Он символизирует приход русской интеллигенции к Октябрьской революции, советской власти, ленинизму.

Среди выдающихся русских биологов почетное место принадлежит К. А. Тимирязеву—великому ученому-революционеру, объяснившему не только явления, но и способы управления органической природой. Это дало основание академику Т. Д. Лысенко сказать: «Лучший теоретик и учитель подлинного дарвинизма, К. А. Тимирязев указал нам, советским ученым, верные пути для управления природой организмов» (стр. 3, 4).

Будучи последовательным защитником дарвинизма, он отстаивал его не только с биологической стороны, но и как одну из основ современного материалистического мировоззрения. Он вел непримиримую борьбу против антидарвинистических-антинаучных течений в науке.

Тимирязев с другими передовыми русскими биологами подготавливал необходимые научно-теоретические предпосылки для развития и победы мичуринской биологии в нашей стране.

Изучение научного наследства К. А. Тимирязева имеет огромное значение для дальнейшего развития материалистической биологии, для дальнейшего расцвета советской передовой агрономической науки.

* * *

Вышедшая книга Г. В. Платонова «Мировоззрение К. А. Тимирязева» глубоко и всесторонне освещает выдвинутый вопрос и может явиться прекрасным пособием для естествоиспытателя.

Использував все опубликованные труды К. А. Тимирязева и важнейшие произведения о нем, а также ряд неопубликованных рукописей уче-

* Г. В. Платонов — «Мировоззрение К. А. Тимирязева», Издательство АН СССР, 1951 г., Москва, цена 15 руб.

ного, черновые наброски его лекций и др., хранящиеся в мемориальном музее его имени, как говорит сам автор, сделал «...попытку, руководствуясь указаниями классиков марксизма-ленинизма и историческими решениями партии по идеологическим вопросам, охарактеризовать основные черты мировоззрения К. А. Тимирязева, ... и устранить недочеты в освещении его общественно-политических, философских и естественно-научных взглядов» (стр. 7).

Работа состоит из пяти глав. В первой главе «Социально-политические и идейные истоки мировоззрения К. А. Тимирязева» автор описывает социально-политический строй 60-х годов XIX в.—период формирования мировоззрения Тимирязева. Период, когда оживилось демократическое движение в России, когда подцензурными статьями распространялись революционные идеи, «...—при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание—опасностью весьма серьезной» (В. И. Ленин, стр. 9).

Царское правительство, серьезно напуганное этими событиями в страхе, приняло ряд репрессивных мер для предотвращения проникновения революционно-демократических идей в народные массы. Либералы, напуганные революционным движением, призывали царское правительство к жесточайшему подавлению народного недовольства.

Шла непримиримая борьба революционно-демократического лагеря против лагеря либерально-монархического. «Либералы 1860-х годов и Чернышевский,—писал В. И. Ленин в 1911 г.,—суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию». (стр. 13—14).

Демократическое мировоззрение Тимирязева развилось под сильным влиянием идей русских революционеров-демократов—Герцена, Чернышевского, Добролюбова. От них он воспринял ненависть к царизму, любовь к народу и веру в его творческие силы. Это определило направление всей научной и общественной деятельности К. А. Тимирязева. «Сильная наукой демократия,—писал Тимирязев,—наука, опирающаяся на демократию, и как символ этого союза—явление почти неизвестное прошлым векам—демократизация науки—вот несомненный прогноз будущего» (стр. 19) и далее «...наука должна сойти со своего старого пьедестала и заговорить языком народа» (там же).

В этой же главе приводятся биографические сведения о Тимирязеве. Для характеристики семейной обстановки приводится воспоминание Тимирязева: «В 1848 г. к отцу один собеседник пристал с вопросом: «какую карьеру готовите вы своим четырем сыновьям?». «Отец отшучивался, но когда тот не отставал, ответил: «какую карьеру?—А вот какую. Сошью я пять синих блуз, как у французских рабочих, куплю пять ружей и пойдем с другими—на Зимний дворец» (стр. 15).

О большом влиянии Герцена на Тимирязева приводятся многочисленные патриотические и свободолюбивые высказывания последнего и

воспоминание Тимирязева, который участвовал на похоронах Герцена в Париже: «Кого прославлял в Герцене этот Париж, собиравшийся сбросить с себя двадцатилетний позор второй империи? Борца против императорской России, красноречивого защитника социалистических идей, беспощадно бичевавшего восторжествовавшую в крови июньских дней буржуазию и, наконец, защитника угнетаемого польского народа» (стр. 17).

Автор справедливо замечает, что идеи русских революционных демократов Тимирязев усваивает не сразу, и у него длительное время встречаются «отголоски» и «отступления» в сторону либерализма. «Однако в целом демократ в нем, как и в Герцене, всегда брал верх» (стр. 19).

Общее направление научной и общественной деятельности Тимирязева определилось интересами развития производительных сил России и революционной проповедью Чернышевского. В формировании мировоззрения Тимирязева большую роль сыграли Д. И. Писарев, а также В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин.

По признанию Тимирязева в укреплении его материалистических взглядов неоценимую помощь оказало учение И. М. Сеченова и И. П. Павлова о работе больших полушарий головного мозга.

Г. В. Платонов, сообщая о том, что «Тимирязев еще в юношеские годы потерял веру в бога», уместно раскрывает заблуждение К. А. Тимирязева в вопросах позитивизма, который называл себя и убежденным позитивистом», в действительности же он подвергал критике основные положения философии Конта.

Подытоживая главу, автор указывает на те основные факторы, которые определяли направление общественно-политических и естественно-научных взглядов Тимирязева «...решающее значение в формировании взглядов Тимирязева имели те общественно-экономические условия, которые сложились в России во второй половине XIX в.... Мировоззрение Тимирязева так же, как и его учителей—Чернышевского, Герцена, Белинского, Писарева, Сеченова характеризуют следующие принципы: горячая защита интересов трудящихся, борьба за их просвещение и свободу, глубокий, неиссякаемый патриотизм, непоколебимая вера в творческие силы русского народа, в его светлое будущее; материалистическое решение основного вопроса философии об отношении материи, природы, бытия к сознанию, духу, идее и непримиримая борьба против идеализма, против всего отжившего, косного, устарелого; изучение явлений природы в их движении и взаимосвязи; рассмотрение философских проблем в тесной связи с естествознанием, с его новейшими достижениями.

С конца XIX в. огромное влияние на развитие мировоззрения Тимирязева оказала героическая борьба русского пролетариата, возглавляемая марксистско-ленинской партией... Изучение выдающихся произведений марксистско-ленинской теории помогло Тимирязеву к концу жизни стать в области политики приверженцем идей пролетарской революции и диктатуры пролетариата, в области философии—начать переход к диалектическому материализму» (стр. 34, 35).

* * *

Во второй главе «Борьба К. А. Тимирязева за материализм в биологии», автор приводит многочисленные, но весьма важные, высказывания К. А. Тимирязева, в которых гениальный русский ученый разоблачает антиматериалистические—лженаучные извращения в биологической науке, отстаивает и развивает материалистические принципы дарвиновского учения. «Творческий подход к эволюционной теории, прямая критика ряда ошибочных идеалистических положений Дарвина убедительно показывают, что Тимирязев не был слепым последователем английского биолога» (стр. 28, 29). Автор приводит весьма ценные данные, которые в широкой печати приводятся впервые, о роли Тимирязева в борьбе против витализма, фитопсихологии, вейсманизма, морганизма и др. антинаучных течений. «Борьба против витализма находит отражение почти во всех сочинениях Тимирязева по вопросам биологии... Тимирязев глубоко вскрывает реакционную сущность витализма, его классовые и гносеологические корни... Тимирязев показал, что неовитализм по существу не вносит ничего нового по сравнению со старым витализмом. И тот и другой являются лишь перепевом средневековой схоластики и аристотелевского идеалистического учения об энтелехии. ...Он показывает, что вся история развития наших знаний есть история все новых и новых побед науки над витализмом» (стр. 43, 44, 47).

Относительно фитопсихологов, которые приписывали «душу» не только животным, но и растениям, при этом используя ошибочные высказывания Дарвина, автор приводит следующие слова Тимирязева: «Дарвин высказал неудачную мысль, что кончик корня у растения можно уподобить мозгу (brain), так как по его удалении известные искривления растущей части корня не проявляются или, скорее, проявляются не так резко». Развивая мысль Дарвина о «сознании корня» некоторые немецкие ученые раздули ее до учения об органах чувств и даже душу у растения. Поэтому Тимирязев, несмотря на огромный авторитет Дарвина, ставит вопрос «об ответственности гения перед потомством. К сожалению, не только его великие идеи, но и вскольз брошенная неудачная мысль оставляет по себе след» (стр. 47).

Вскрывая социальные корни вейсманизма-морганизма, Г. В. Платонов достаточно полно приводит материалы, показывающие роль К. А. Тимирязева в борьбе с вейсманизмом: «Все они представляют одну и ту же попытку материального изображения преемственной передачи свойств от одного поколения другому. Все они в основе—только вариации на тему: потомство «плоть от плоти, кровь от крови» своих предков; только с успехами наблюдения подставляются все более глубокие черты строения: «клеточка от клеточки», «плазма от плазмы», «ядро от ядра», «хромозома от хромозомы» и т. д. (стр. 53). К. А. Тимирязев считал совершенно антинаучными эксперименты Вейсмана с обрубанием мышечных хвостов и основанный на них вывод о независимости «наследственного вещества» от тела и окружающей среды. «Изменения в организации дяди

не могут влиять на организацию племянника, точно так же и клеточки ткани хвоста не представляют предков тех воспроизводящих клеточек, из которых разовьется потомство мыши с обрубленным хвостом» (стр. 55). Автор приводит известные слова из доклада акад. Т. Д. Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. относительно степени наследования. «Тимирязев говорит, что пресловутая теория Вейсмана о двух плазмах—зародышевой (Keimplasma)—вечной и исключительной носительницы наследственности и телесной (Somatoplasma)—смертной и не имеющей отношения к наследственности, является по своему существу ненаучной» (стр. 56). Приводятся критические замечания Тимирязева группе приверженцев Вейсмана, особенно в отношении Бэтсона, которого он считал главой современного антидарвинизма, а также интересное высказывание Тимирязева из его записной книжки относительно менделизма. «Математики отравили существование Дарвина! Менделизм соблазнителен тем, что по его схеме можно печь сколько угодно докторских диссертаций: сколько растений, столько опытов» (стр. 57). Видя всю несостоятельность попытки мендельянцев дать объяснение явлению доминирования с точки зрения хромосомной теории наследственности, Тимирязев пишет: «Перед этим фактом мендельянцы со своим пресловутым «мендельянским анализом» оказались окончательно бессильными и должны были обратиться за объяснением к физиологии и химии, что давно было ясно людям, понимавшим, что вопрос о наследственности в конечной инстанции разрешается не статистикой, а физиологией» (стр. 58).

Автор сообщает о необоснованной попытке Б. М. Завадовского, Н. П. Дубинина, И. М. Полякова и других мендельянцев представить Тимирязева чуть ли не сторонником менделизма, а также о возмутительной попытке Ф. Дучинского поставить Тимирязева рядом с Вейсманом, назвав последнего, так же как и Тимирязева, «великим мыслителем-дарвинистом». «В борьбе против вейсманизма-менделизма-морганизма советские ученые использовали богатый опыт борьбы К. А. Тимирязева и других русских биологов-материалистов против идеалистических извращений в науке. Критика вейсманизма Тимирязевым вошла как золотой фонд в сокровищницу материалистической биологии» (стр. 53).

Известно, что крупнейшей ошибкой Дарвина была его попытка перенести в природу и использовать в своей эволюционной теории реакционную схему Мальтуса. В этой связи в книге приводятся ошибки Тимирязева, где он, в силу обстоятельства,—выразившегося в травле Дарвина, взял под защиту все учение последнего и комментировал неправильно Дарвина в части применения схемы Мальтуса в своей эволюционной теории.

В вопросе о действии «закона» Мальтуса в органической природе, как автор указывает, Тимирязев допускал серьезные ошибки. Академиком Т. Д. Лысенко были вскрыты ошибки, допущенные в этом отношении Тимирязевым.

В разделе «Развитие Тимирязевым материалистического ядра дарви-

низма» автор приводит три фактора эволюции «среду—изменяющую, наследственность—накопляющую эти изменения и отбор...», рассматриваемые Тимирязевым в своей работе «Факторы органической эволюции», о которых акад. Т. Д. Лысенко дал высокую оценку на сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. Рассматривая эти вопросы, автор отмечает новаторскую роль Тимирязева и те пробелы, которые он имел в трактовке указанных факторов.

В книге цитируются заметки К. А. Тимирязева о Лютере Бербанке. Они действительно представляют особый интерес, поскольку являются одним из его последних записей. Эти пометки показывают, что Тимирязев вопросу наследования приобретенных признаков отводил огромное место. Известно, что Дарвин оставил почти неразрешенным вопрос о конкретных причинах изменчивости и в последние годы жизни признал, что он недооценил прямое влияние среды на изменчивость организмов. Тимирязев же считал, что важнейшим развитием мира является изменчивость органических форм.

Приведенными материалами автор убедительно показывает, что Тимирязев почти одновременно с Энгельсом, но независимо от него, дает идентичное определение сущности жизни. «Это позволяет ему понять роль среды в возникновении новых признаков организмов несравненно глубже, чем это имело место у Дарвина» (стр. 81). Автор уместно замечает, что Тимирязев, указывая на закономерность изменчивости, «не доходит до прямого признания приспособительного характера изменчивости к условиям внешней среды, вызывающим изменения. Он смешивает понятие целесообразности с понятием приспособительности» (стр. 83). Для окончательного выяснения указанного положения автор приводит известное определение акад. Т. Д. Лысенко относительно изменчивости процессов, приспособительности и целесообразности растений и животных. «Но если Тимирязев ошибочно отрицал прямое приспособление, когда речь об этом шла у него в общей абстрактной форме, то при рассмотрении тех или иных конкретных случаев он высказывал взгляды совершенно правильные» (стр. 85). Автор подтверждает свое заключение ссылками на работу Тимирязева «Факторы эволюции».

Первым фактором эволюции Тимирязев называет «среду—изменяющую организм». По этому поводу он пишет: «Исходной причиной, вызывающей в организме изменения, должно быть непосредственное или посредственное действие внешних условий, а затем уже действие вторичных влияний, соотношения в развитии частей, упражнения органов и т. д.» (стр. 79).

Автор заключает, что «Тимирязев, таким образом, делает значительный шаг вперед по сравнению с Дарвином в понимании характера изменений под влиянием условий среды» (стр. 82).

Рассматривая второй фактор эволюции—наследственность—автор приводит высказывания акад. Т. Д. Лысенко, что для Тимирязева вопрос о наследственности так называемых «благоприобретенных» признаков был совершенно ясен, несмотря на то, что он не знал блестящих достиже-

ний Мичурина в этом отношении. «Приближение к мичуринскому пониманию изменчивости организмов в направлении, адекватном воздействию внешнего фактора, характеризует Тимирязева как биолога-материалиста... Вместе с тем, не будучи диалектическим материалистом, Тимирязев не смог до конца верно показать отношение между наследованием приобретенных признаков и эволюцией органических форм» (стр. 86).

Приводя определения Тимирязева и акад. Т. Д. Лысенко о наследственности, автор справедливо считает, что они сходны, и заключает: «Весьма ценно для углубленного понимания таких важнейших свойств организма, как изменчивость и наследственность, указание Тимирязева не только на их неразрывное единство, но и на то, что понятие наследственности шире понятия изменчивости и фактически включает его в себя. Это коренным образом отличает Тимирязева от биологов с метафизическим складом мышления, которые противопоставляют наследственность и изменчивость как абсолютно противоположные свойства организма» (стр. 90).

Рассматривая третий фактор эволюции, отмечаемого Тимирязевым — естественный и искусственный отбор, автор сообщает: «Отбор он (Тимирязев—О. Г.) рассматривает в тесной связи с другими факторами эволюции—наследственностью и изменчивостью, а также с постоянным стремлением организмов к безграничному размножению. Тимирязев подвергает уничтожающей критике как тех, кто отрицает роль отбора в эволюции (Гертвиг и др.), так и тех, кто отрывая его от других факторов эволюции, отрицал его творческую роль, рассматривал отбор как простое сито, отсеивающее уже имеющиеся налицо наиболее приспособленные органические формы. Тимирязев развивает в дарвинизме прежде всего его основное материалистическое ядро—учение о творческой роли отбора» (стр. 97).

В этом же разделе приводится критика взглядов на «вид» Дарвина, который считал, что «вид» придуман «ради удобства, для обозначения группы особей, близко между собой схожих» (стр. 105). Тимирязев признает существование видов, что они «не внесены человеком в природу, а навязаны ему самой природой...» (стр. 107).

...Однако Тимирязев не смог до конца преодолеть плоский эволюционизм Дарвина в понимании вида» (стр. 109). Известно, что акад. Т. Д. Лысенко, используя рациональное зерно в определениях «вида» Тимирязева, понятие «вида» поднял на новую высоту, приводя в полное соответствие с принципами марксистско-ленинского материалистического учения, на что указывает автор.

В разделе «Роль Тимирязева в развитии физиологии растений и агрономии» автор указывает на новаторскую роль Тимирязева в развитии указанных вопросов. Важнейший вопрос физиологии—процесс фотосинтеза Тимирязев сделал предметом тщательного исследования и весьма оригинальными опытами показал всю несостоятельность американского ученого Дрепера и немецкой школы Сакса-Пфеффера, которые своими идеалистическими истолкованиями вопросы изучения фотосинтеза тянули

назад. В то время, как идеалистическая школа в вопросах разложения углекислоты растениями на роль солнечного света отводила место сути «раздражителя», Тимирязев, исходя из закона сохранения энергии, показал, что максимум фотосинтеза происходит в красной части спектра. «Теоретическое и экспериментальное ее обоснование позволило Тимирязеву нанести сокрушительный удар по идеалистическим извращениям в этой области и заложить прочные материалистические основы современного учения о фотосинтезе» (стр. 113).

Эксперименты Тимирязева по фотосинтезу были настолько оригинальны, что Ч. Дарвин рекомендовал английским ученым в области физиологии растений учиться у Тимирязева.

В этом же разделе приводится отношение Тимирязева к вопросам практического земледелия. Автор цитирует места, где Тимирязев ставит задачу выращивать два колоса там, где раньше рос один и другие насущные запросы агрономии—борьба растений с засухой, глубокая вспашка и др. вопросы, которые со временем были разработаны советской агрономической наукой и рекомендованы социалистическому сельскому хозяйству.

Заключительную часть рассматриваемой главы, автор подытоживает следующими словами: «Можно с уверенностью сказать, что нельзя глубоко познать и во всем объеме применить в практической жизни все богатство мичуринской биологии, не изучив внимательно, наряду с произведениями И. В. Мичурина, В. Р. Вильямса и Т. Д. Лысенко, всего, что написано по вопросам теории эволюции органического мира К. А. Тимирязевым» (стр. 132).

Третья глава посвящена К. А. Тимирязеву—как историку и популяризатору науки. Автор со всей очевидностью показывает, что Тимирязев свои исследования проводил, не отрываясь от истории науки и общества. Приводятся высказывания К. А. Тимирязева по этому вопросу. «Для знакомства с содержанием науки всего лучше прибегнуть к беглому очерку исторического ее развития, который в то же время может служить кратким перечнем наиболее выдающегося содержания современной науки» (стр. 133). Цитируя отдельные места из произведений Тимирязева, автор объективно оценивает великого естествоиспытателя-биолога. «Работы Тимирязева по истории науки составляют неотъемлемую часть его общей борьбы за материализм, против всех проявлений идеализма и реакции» (стр. 136).

Автор правильно критикует неверную концепцию К. А. Тимирязева относительно роли практики в развитии науки. Так, например, по мнению К. А. Тимирязева, причиной быстрого развития промышленного синтеза азота в Норвегии является знание и талант Биркеланда. В этом вопросе он игнорировал роль общественно-производственных условий. В то же время Тимирязев считал, что наука должна удовлетворить материальные

потребности человека: «Наука призвана сделать труд земледельца более производительным» (стр. 156).

Далее, ссылаясь на его произведения и отдельные высказывания, автор характеризует крупнейшего ученого как популяризатора наук. «Как никто другой, Тимирязев удовлетворял требованию Герцена, Чернышевского и Добролюбова—в яркой и увлекательной форме доводить до сознания народа самые сложные вопросы науки, нисколько не упрощая и не извращая их» (стр. 157).

Четвертая глава посвящена философским взглядам К. А. Тимирязева. Автор приводит богатейший материал о материалистическом истолковании явлений природы со стороны Тимирязева.

Великий биолог рассматривал жизнь как одну из форм движения материи, которая подчинена закону сохранения и превращения энергии. Каждое явление в природе и обществе он рассматривал в ее движении, в изменении и развитии. Для Тимирязева развитие не простое увеличение или уменьшение. «В природе,—говорит Тимирязев,—существует движение, и это движение в итоге поступательное, т. е. клонится к усовершенствованию существ» (стр. 173). Общественные события, особенно в период Великой Октябрьской социалистической революции, и изучение трудов классиков марксизма-ленинизма привели К. А. Тимирязева к признанию наряду с эволюционной формой развития также революционной, скачкообразной формы движения. Вскрывая противоречивость жизни и цитируя Клода Бернара, что **жизнь это—смерть**, Тимирязев считает, что «...в этих словах заключается и меткая истина и тонкая ирония над погоней за звонкими определениями» (стр. 177).

Автор на основании первоисточников убеждает читателя, что К. А. Тимирязев рассматривал явления в природе в их единстве и взаимообусловленности. «...разве существует какое-нибудь явление, которое не было бы только звеном в бесконечной цепи причинной связи?...» (стр. 179). Тимирязев в своих работах значительно углубляет дарвинизм, вскрывая материальные причины изменчивости в явлениях природы.

Автор приводит материалы, по которым убедительно показывает, что в отличие от идеалистов, Тимирязев считал, что изучение природы должно идти «от природы к человеку», т. е. от объекта к субъекту. «Свои материалистические взгляды в области философии, так же, как и в области естествознания, Тимирязев отстаивает и развивает в непримиримой борьбе с идеализмом» (стр. 207).

Приведенный достаточно полный материал со всей полнотой показывает, с чем нельзя не согласиться, что «Тимирязев был представителем не стихийного естественно-исторического материализма, как это утверждают некоторые авторы, а вполне сознательным мыслителем-материалистом (подчеркнуто нами—О. Г.), отстаивавшим и развивавшим

далее философский материализм Чернышевского, Герцена, Писарева, Сеченова... Тимирязев был не только философски сознательным, убежденным материалистом, неуклонно проводившим свои материалистические принципы в борьбе за подлинную науку, он вышел далеко за пределы метафизического материализма, на основе которого стояло большинство даже крупнейших естествоиспытателей XIX в. ...мы должны вместе с тем признать, что Тимирязев, даже после ознакомления с марксистско-ленинской философией, в отличие от И. В. Мичурина, не стал еще до конца последовательным диалектическим материалистом» (стр. 218, 221, 224).

Вышеприведенное определение Г. В. Платонова, как нам кажется, дает правильную оценку философских взглядов К. А. Тимирязева, основанные на его практической деятельности и неоднократных его высказываниях.

В заключительной пятой главе «От революционного демократизма к научному коммунизму» автор характеризует развитие общественно-политических взглядов Тимирязева «...как путь от революционного демократизма к научному коммунизму» (стр. 226).

В книге дается сжатый анализ общественных формаций, в которых сформировались и развились общественно-политические взгляды Климентия Аркадьевича. Известно, что Тимирязев не принимал непосредственного участия в революционно-демократических организациях и его революционно-демократические идеи «не были выражены столь последовательно и полно как у Чернышевского» (стр. 231).

Определяя место Тимирязева в борьбе двух лагерей,—лагеря революционно-демократического и лагеря либерально-монархического, автор совершенно правильно отмечает, «что он был на стороне первого из них» (стр. 231).

Для подтверждения этого автор приводит весьма убедительные доказательства.

В книге цитируются слова о любви и преданности передового студенчества к Тимирязеву за его «звонкий независимый и честный голос» (стр. 243). Г. В. Платонов правильно отмечает, что «Огромную роль в последовательном развитии политических убеждений Тимирязева, его революционного сознания играет не только научная, но и преподавательская деятельность, его борьба за расширение прав профессуры и студенчества» (стр. 243).

В книге приводятся материалы из последнего периода жизни Тимирязева, когда он вел борьбу против англо-американского капитализма, против буржуазных интеллигентов и, «в частности», против профессоров, отказывающихся работать на благо социалистического государства» (стр. 283). В книге, далее приводятся материалы биографического характера: об избрании Климентия Аркадьевича депутатом в Московский совет, письмо Владимира Ильича, наконец, приводятся слова надписи на венке,

возложенного на могиле Тимирязева районным комитетом коммунистической партии Краснопресненского района города Москвы: «Титану науки и поборнику коммунизма».

Таково краткое содержание замечательной книги, написанной Г. В. Платоновым.

Следует отметить, что в произведении Г. В. Платонова все принципиальные, важные проблемы современной биологии освещаются глубоко верно в свете марксистско-ленинского диалектического материализма. Эта сторона исследования делает его очень актуальной, поэтому приобретает большое практическое значение для каждого биолога.

С поставленной перед собой задачей дать основные черты мировоззрения Тимирязева, автор справился с умением и мастерством.

Книга читается с большим интересом.

О. А. ГЕОДАКЯН

